УДК 82.0
DOI 10.52452/2658-7475-2026-2-30-84-93

К ВОПРОСУ О ЕДИНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ» И «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» ПУШКИНА

© 2026

И.С. Юхнова

Юхнова Ирина Сергеевна, SPIN-код: 3299-6410, ORCID: 0000-0003-2835-3070, доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), yuhnova@flf.unn.ru

Статья поступила в редакцию: 11.05.2026
Статья принята к публикации: 18.06.2026

Статья посвящена вопросу о единстве художественных систем «Евгения Онегина» и «Капитанской дочки» Пушкина. Отправной точкой для рассуждений стали наблюдение В.Г. Белинского о внутреннем родстве произведений («“Капитанская дочка” нечто вроде “Онегина” в прозе»), а также оценки П. Катенина и П.А. Вяземского. Выявляются основания для подобного сопоставления, отмечается закономерность появления в творчестве Пушкина «романа на старый лад», корни которого обнаруживаются в «Евгении Онегине». Задачей автора данной статьи является уточнение имеющихся наблюдений о тождестве художественных систем дополнительными сведениями, такими как упорядоченная система сюжетных отражений, а также общие принципы организации внутреннего строя произведений. В частности, подробно проанализированы следующие моменты: сюжетная завязка, связанная с мотивом «перемены мест», эпизоды первого появления героини. Особый акцент сделан на упорядоченной системе повторов сюжетных ситуаций в «Капитанской дочке», которая соотносится с принципом зеркальной симметрии, реализованным в «Евгении Онегине». Подробно описаны взаимоотражения ситуаций застольного общения, царской милости, прибытия героя на место службы в Оренбург и Белогорскую крепость. Показан смысл подобных соположений. Итоговым выводом становится мысль о том, что современники воспринимали «Капитанскую дочку» «вроде “Онегина” в прозе», не только из-за идентичных сюжетных ситуаций, но и из-за единства внутреннего строя произведений.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Капитанская дочка», композиция, сюжетные ситуации, идейный строй, художественный мир Пушкина.

Введение

«“Капитанская дочка” нечто вроде “Онегина” в прозе» [Белинский 1955, с. 577] – так начинал свои размышления о повести Пушкина В.Г. Белинский, и это наблюдение критика уже становилось предметом научной рефлексии. В частности, И.Л. Альми посвящает ей статью «“Евгений Онегин” и “Капитанская дочка”. Единство и полярность художественных систем» [Альми 1987], основные положения которой впервые были изложены на «Болдинских чтениях» в 1987 году.

И.Л. Альми системно представила общее и различное в том, как в этих произведениях Пушкина отражается действительность (безусловно, уточнив, что сама действительность в них разная: в одном случае это современность, незавершенное настоящее, в другом – конкретно-историческое прошлое), а также обозначила общие для обоих произведений ситуации, значимые в сюжетном отношении (это сон, дуэль, объяснения героев), и показала, как одинаковые сюжетные ситуации переосмысляются Пушкиным, а героев приводят к разным жизненным итогам.

Надо заметить, что в современной научной литературе эта параллель – «Онегин» и «Капитанская дочка» – не столь очевидна, как, например, параллель между повестью Пушкина и романами Вальтера Скотта. Современники же эту связь «Капитанской дочки» с «Онегиным» улавливали мгновенно. И оценка Белинского была далеко не единственной. Так, П.А. Катенин называл «Капитанскую дочку» «пусть и побочной, но все-таки родной сестрой «Евгения Онегина», добавляя, что «они одного отца дети» и «во многом сходны между собой» [Катенин 1985, с. 197]. На родственность главных героинь указывал и П.А. Вяземский, назвавший Машу Миронову «другой Татьяной того же поэта» [Вяземский 1984, с. 329].

Вероятно, для читателя, который впервые знакомился с «Капитанской дочкой», очевиднее были созвучия с пушкинским «романом в стихах», чем отличия, так как он соотносил «Капитанскую дочку» с произведением, которое, с одной стороны, уже было укоренено в сознании культурного человека той эпохи[1], а с другой – ко времени создания «Капитанской дочки» обрело принципиально новое качество:

[1] В фондах музея-заповедника А.С. Пушкина «Болдино» есть типичный для той эпохи экземпляр «Евгения Онегина» – это переплетенные «журнальные»

23 марта 1833 года роман вышел отдельным изданием, а значит, был перечитан и переосмыслен читателем и критикой[2]. На этом фоне пушкинский современник, читая «Капитанскую дочку», наряду с вальтерскоттовской традицией, улавливал в ней собственно пушкинский элемент, основы его художественного мира, его тип героя, конфликта, которые сложились в «Евгении Онегине».

Еще А. Григорьев заметил, что у Пушкина модель романа нового типа – образ будущего творения – появилась уже в «Евгении Онегине». В подтверждение он цитирует отрывки главы, не вошедшей в произведение [Григорьев 1967, с. 178–179], а позже Н. Страхов напрямую соотнесет строфы 13, 14 третьей главы с замыслом «Капитанской дочки»[3]. Они действительно представляют собой авторский прогноз, каким может быть следующий роман:

Не муки тайные злодейства
Я грозно в нем изображу,
Но просто вам перескажу
Преданья русского семейства,
Любви пленительные сны
Да нравы нашей старины.
XIV
Перескажу простые речи
Отца иль дяди-старика,
Детей условленные встречи
У старых лип, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,

главы «Онегина» с чистыми листами. Так читатели сами формировали единый текст, прежде чем он вышел отдельным изданием. Кроме того, появились подражания «Онегину», сформировавшиеся в своего рода жанр «поэма в духе "Онегина"».

[2] Примечательно замечание героя повести Тургенева «Несчастная», действие которой отнесено к 1835 году: «…пушкинский "Онегин" был тогда у каждого из нас в **свежей** (выделено мной. – *И.Ю.*) памяти» [Тургенев 1981, с. 70].

[3] «"Капитанская дочка", собственно говоря, есть *хроника семейства Гриневых;* это – тот рассказ, о котором Пушкин мечтал еще в третьей главе Онегина, – рассказ, изображающий

Преданья русского семейства» [Страхов 1885, с. 278–279].

Разлуку, слезы примиренья,
Поссорю вновь, и наконец
Я поведу их под венец...
[Пушкин 1978, т. 5, с. 53].

И.Л. Альми показывает, как в «Капитанской дочке» воплотился этот новый «роман на старый лад», и прослеживает, как в нем сказывается опыт первого романа Пушкина. В качестве общих оснований полярных художественных систем она выделяет такие позиции: в произведениях создается «целостная картина эпохи – в ее бытовом укладе, нравах, культуре», «герой-дворянин воплощает существеннейшие черты образа мысли эпохи», используется «имитация живого речевого потока, служащего, прежде всего, целям выражения авторского сознания, а лишь затем – повествованию о судьбах героев», господствует «собственно-пушкинский тип видения жизни, равно далекий от романтической исключительности и от натуральной сниженности» [Альми 1987, с. 85].

Дополним данные наблюдения более частными деталями и мотивами, которые использует Пушкин и которые как раз и составляют основу его художественного мышления. При этом сразу оговоримся, что в «Капитанской дочке» это не буквальные повторы, не использование автором уже наработанных трафаретов, клише, которые механически воспроизводятся из произведения в произведение. У Пушкина при внешней схожести ситуаций это другое их разрешение, другой жизненный финал и другое завершение художественного повествования.

Сюжетные параллели

В обоих произведениях *сюжет «запускается» необходимостью «перемены мест»*. Онегин едет к «постеле» умирающего дяди, Гринёв – к месту службы. Этот мотив характерен для романа как такового: герой должен изменить свою жизненную среду, свой привычный круг, оказаться в нетипичном для него окружении, там и проявятся свойства его личности, завяжутся те узлы, которые и составят событийную основу произведения. Но у Пушкина этот типичный мотив соединен со случаем: в обеих ситуациях именно случай определяет и путешествие героя, и направление его движения. И Онегин, и

Гринев едут не туда, куда планировали и хотели бы поехать изначально: Онегин, как помним, был «готов <с автором> / Увидеть чуждые страны…» [Пушкин 1978, т. 5, с. 26], Гринёв же в своем воображении рисует картины службы в столице. И конечный пункт их движения неожидан для них самих. Оба оказываются в русской глубинке. Таким образом, случай и судьба приближают их к простой жизни, к новому и неизвестному им бытовому укладу.

Второй важный момент связан с тем сюжетным событием, которое определяет развитие любовной линии, – это *явление героини, момент первой встречи* с ней. Эти ситуации очень похожи: обе девушки появляются незаметно, располагаются в стороне от всех и в момент первой встречи, по сути, не распознаны героями как будущая судьба. Гринев пишет в своих записках: *«С первого взгляда она не очень мне понравилась»* [Пушкин 1978, т. 6, с. 277]. И во многом это первое впечатление спровоцировано мнением другого – и у Гринева, и у Онегина уже есть некоторое предварительное впечатление: о семье Лариных рассказывает Ленский, на восприятие Гринева влияет Швабрин (в своих записках герой вспоминает: *«Я смотрел на нее с предубеждением: Швабрин описал мне Машу, капитанскую дочь, совершенною дурочкою»* [Пушкин 1978, т. 6, с. 277]).

Более того, подчеркнута заурядность, обычность их внешности, неброскость, скромность. Характерна оценка героини «Капитанской дочки», данная П.И. Чайковским, который, по его словам, «иногда помышлял … об опере на сюжет "Капитанской дочки"» [Пушкин 1984, с. 253], но замысел не воплотился из-за особенностей личности Маши Мироновой. Как замечает композитор, «героиня, Мария Ивановна, недостаточно интересна и характерна, ибо она безупречно добрая и честная девушка и больше ничего, а этого для музыки недостаточно» [Пушкин 1984, с. 253].

В момент первой встречи и Татьяна, и Маша Миронова не участвуют в общем разговоре, они со всеми и в то же время вне общего круга, где-то в стороне. От обеих исходит тишина, а появление их, как было сказано выше, тихое и незаметное. Но именно эта тишина и внешняя слабость, отстраненность потом обернутся внутренней силой и цельностью. В финальных сценах обе героини предстают в неожиданных для читателя обстоятельствах: Татьяна Ларина – в

высшем петербургском свете, Маша Миронова – в Петербурге, куда едет, чтобы восстановить справедливость по отношению к Гринёву.

Таким образом, когда П.А. Вяземский называет Машу Миронову «другой Татьяной», он имеет на то основания, а отождествляя двух героинь, намечает линию, которая создает представление о специфическом «пушкинском женском образе».

Рифмующиеся ситуации

И, конечно, при всех различиях общим оказывается ***внутренний строй произведений***, их каркас и способ соотношения частей. В его основе – упорядоченная система повторов сюжетных ситуаций.

В «Евгении Онегине» принцип зеркальной симметрии составляет основу конструкции. Поворотным событием становится сон Татьяны, который, по словам Ю.М. Лотмана, «имеет в тексте пушкинского романа двойной смысл. Являясь центральным для психологической характеристики «русской душою» героини романа, он также выполняет композиционную роль, связывая содержание предшествующих глав с драматическими событиями шестой главы» [Лотман 1995, с. 651–652]. О.В. Барский отмечает, что «помещение сна Татьяны в центр произведения, композиционно едва ли не самое важное место, говорит о его особой структурной и смысловой функции в «Евгении Онегине» [Барский 2013, с. 140]. В.М. Маркович указывает еще на одну функцию сна: с его помощью намечаются «перспективы символической интерпретации центральных коллизий романа и представших в нем человеческих типов» [Маркович 1982, с. 18]. О сознательности удваивания событий свидетельствует и тот факт, что 5 октября 1831 года Пушкин дописывает «Письмо Онегина к Татьяне», тем самым уравновешивая конструкцию романа.

В «Капитанской дочке» на первый взгляд такого жесткого каркаса нет. Более того, он, наверное, был бы и невозможен, так как события развиваются под влиянием стихии народного бунта. Между тем и в этом произведении Пушкина мы обнаруживаем то же сочетание двух разнородных начал и удвоение сюжетных ситуаций, что и в «Евгении Онегине», только сочетание другого рода: новеллистического и драматического. Л.А. Степанов отмечал, что «Пушкин искусно сочетал простые сообщения о событиях и событийные эпизоды,

более или менее развитые в повествовании», и выделял «два основных типа организации эпизодов – сюжетных ситуаций, обладающих относительной завершенностью и самостоятельностью, при всей их общей сюжетной коннотации: новеллистический и драматургический (когда эпизод организуется по преимуществу на диалогической основе, как явление в драме)» [Степанов 1987, с. 178].

И если новеллистическое – это движение от одного уникального события к другому, выявляющее сложные сопряжения индивидуальной судьбы и истории, то диалогическое часто представляет собой дублирующие друг друга сцены.

Такова *ситуация первого появления Гринёва на месте службы*: это представление Гринева генералу Р. в Оренбургской крепости и капитану Миронову в Белогорской крепости. Они соотносятся диаметрально противоположно. Формально-ритуализированное поведение героев в первом случае – активное приятие нового человека, искренний интерес к нему, включение его не только в служебный, но и в семейный круг – во втором.

Другой пример подобных рифмующихся ситуаций – это эпизоды *застольного общения,* когда также взаимоотражаются две сцены: у оренбургского генерала и капитана Миронова. В одном случае Гринев присутствует на «холостой трапезе», бездушной и холодной, когда не возникает живого общения. В другом – завязывается беседа, простой и непринужденный разговор, обусловленный интересом к вновь прибывшему офицеру. Здесь говорят о повседневных бытовых происшествиях, при этом сам разговор не воспроизводится, а описывается, а Гринев даже по прошествии многих лет помнит реакции Василисы Егоровны и едва уловимые проявления эмоций Маши.

Контрастом к «светским» эпизодам становится эпизод народного пира, на котором происходит разговор Гринева с Пугачевым, решивший его судьбу.

И, наконец, третья пара значимых рифмующихся ситуаций – это ситуации *царской милости.* Драматургическое и новеллистическое в этих эпизодах совмещаются, и мы видим героев, когда коммуникация осуществляется и по модели «человек-человек», и по модели «государь – подданный».

В «Капитанской дочке» представлен и такой вариант соотношения диалогического и новеллистического, когда из незначительной,

на первый взгляд случайной реплики вырастает сюжет, мельком сказанное получает потенциал для сюжетного развития, развертывания. Таковы диалог об облачке, которое превратится в буран [Листов 2005, с. 280–281], упоминание о шайке, из-за которой подрались в бане (вроде бы курьезное происшествие – свидетельство страстей, которые прорываются пока на бытовом уровне, но впоследствии способны вырваться наружу и вылиться в народный бунт). Так краткий и вроде бы проходящий диалог, реплика о бытовых происшествиях таят в себе потенциал для развертывания в глобальное и судьбоносное для нации событие.

Эти примеры (а подобных рифмующихся ситуаций в произведении значительно больше) свидетельствуют о том, что упорядоченная система повторов сюжетных ситуаций становится важным конструктивным принципом, который позволяет выявить в жизненном потоке «диалектику взаимопритяжения и отталкивания» [Елкин 1985, с. 52]. Впервые на подобную соразмерность, симметричность композиции повести обратил внимание Д. Благой [Благой 1973, с. 213–230], а смысл отдельных созвучий раскрыли Ю.М. Лотман [Лотман 1995], О.Б. Заславский;[Заславский 1996] и др. В.Г. Елкин назвал их «неточной рифмой, "рифмой ситуаций"» [Елкин 1985, с. 52]. Именно эта «неточность», когда, повторяясь, ситуация каждый раз развивается по-иному, и показывает многовариантность, диалектичность, разнообразие жизни. «Живая жизнь» многоголоса – к этому многоголосию и «прислушивается» герой, осваивает его. Именно в этом видит особенность характера и жизненное предназначение Гринёва В.А. Грехнёв: «…с доверительной безоглядностью отдаваясь взвихренному течению жизни, в трагический узор истории он [Гринёв. – *И.Ю.*] как-то незаметно вписывает узор своего "я", своей человечности, чести и доброты, повинуясь, в сущности, только одному – зову сердца и еще, быть может, той готовности слушать пульс самой реальности <…> которой в избытке наделено его сознание. Только сознание, прислушивающееся ко всем голосам жизни, способно, по Пушкину, очеловечить историю, ибо оно лишено рокового соблазна творить его по собственному произволу» [Грехнёв 1994, с. 22].

Вывод

Таким образом, когда Белинский говорит о том, что «Капитанская дочка» нечто вроде «Онегина в прозе», а Катенин и Вяземский как бы подтверждают эту аналогию, они имеют на то все основания. Талантливые читатели, они отметили не только сходство характеров, сюжетных ситуаций, но и способы упорядочивания событий, особенности композиционных связей между ними. По сути, ими фиксировалось единство художественного мира Пушкина.

Источники

Белинский 1955 – Белинский В.Г. Статьи о Пушкине // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 7. М., 1955. С. 97–580.

Вяземский 1984 – Вяземский П.А. Поздняя редакция статьи «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина» // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критики. М., 1984. С. 305–331.

Григорьев 1967 – Григорьев А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // Григорьев А. Литературная критика. М., 1967. С. 157–239.

Катенин 1985 – Катенин П.А. Воспоминания о Пушкине // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2-х т. Т. 1. М., 1985. С. 186–199.

Пушкин 1978 – Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10-и томах. Т. 5, 6. Л., 1978.

Пушкин 1984 – Пушкин А.С. Капитанская дочка. Издание второе, дополненное / издание первое подготовил Ю.Г. Оксман. Л., 1984. (Серия «Литературные памятники»).

Страхов 1885 – Страхов Н.Н. Страхов Н. «Война и мир»: Сочинения графа Л. Н. Толстого. Статья вторая и последняя // Страхов Н. Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом. 1862–1885. СПб., 1885. С. 275–337.

Тургенев 1981 – Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Т. 8. М., 1981.

Литература

Альми 1987 – Альми И.Л. «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка». Единство и полярность художественных систем // Болдинские чтения. Горький, 1987. С. 80–93.

Барский 2013 – Барский О. В. Структурно-смысловая функция сна Татьяны в «Евгении Онегине» // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2013. № 2(12). С. 139–144.

Благой 1973 – Благой Д.Д. От Кантемира до наших дней. Т. 2. М., 1973.

Грехнёв 1994 – Грехнёв В.А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород, 1994.

Елкин 1985 – Елкин В.Г. Структура и смысл произведений Пушкина в аспекте системного подхода. Владимир, 1985.

Заславский 1996 – Заславский О.Б. Проблема милости в «Капитанской дочке» // Русская литература. 1996. № 4. С. 41–52.

Листов 2005 – Листов В.С. «Голос музы темной…» М., 2005.

Лотман 1995 – Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 1995.

Маркович 1982 – Маркович В.М. И.С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50-е годы). Л., 1982.

Степанов 1987 – Степанов Л.А. Структура комических «микросюжетов» в «Капитанской дочке» // Болдинские чтения. Горький, 1987. С. 178–191.

ON THE UNITY OF THE ARTISTIC SYSTEMS OF PUSHKIN'S "THE CAPTAIN'S DAUGHTER" AND "EUGENE ONEGIN"

I.S. Yukhnova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article examines the unity of artistic systems of Alexander Pushkin's "The Captain's Daughter" and "Eugene Onegin". The starting point of the argument are Vissarion Belinsky's observation on the internal similarities between the works («"The Captain's Daughter" is somewhat like "Onegin" in prose»), as well as assessments of Pavel Katenin and Petr Vyzaemsky. The article identifies the reasons for such comparison, points out that it was natural for an "old-fashion novel", rooted in "Eugene Onegin" to appear among Pushkin's works. The researcher's purpose is to specify the existing observations on the identity of artistic systems with additional data – such as structured system of plot reflections and same principles for organizing the internal structure of works. In particular, the article analyses the following parts: the premise, connected to the motive of "a change of place", episodes of heroine's first appearance. Special attention is paid to the ordered system of plot repetitions in "The Captain's Daughter", which corresponds to the principle of mirror symmetry, implemented in "Eugene Onegin". The researcher gives a detailed descriptions of the cross-reflections between the situations of tabletalk, tsar's benevolence, hero's arrival for duty in Orenburg and Belogorsk fortress, as well as shows their purpose. The article concludes with an idea that for Pushkin's contemporaries "The Captain's Daughter" was «somewhat like "Onegin" in prose» not only because of the similar plotlines, but also due to the unity of internal structure of the two works.

Keywords: A.S. Pushkin, "The Captain's Daughter", composition, plot situations, ideological structure, Pushkin's artistic world.